

Старый друг уже не тот, что прежде (часть 10)

Он стоял спиной к свету, и оттого его фигура казалась еще массивнее. Прежде этот человек предпочитал практичные, облегающие одежды, подчеркивавшие его неистовый, почти звериный нрав. Теперь же на нем было изысканное парчовое одеяние с широкими рукавами. Зловещая аура, прежде сквозившая в каждом движении, словно бы угасла, но на ее место пришло нечто иное — тяжелое, давящее, затаенное глубоко внутри.

В его глазах, подернутых мрачной дымкой, назревала настоящая буря, готовая в любой миг сорваться и разнести всё в щепки.

Чао Цы поднял голову. Внезапное появление гостя и его тяжелый, застывший взгляд не вызвали у него и тени тревоги.

Он неспешно разлил свежесваренный чай по чашкам и посмотрел на мужчину. На его губах заиграла слабая улыбка, в которой, впрочем, не было ни капли тепла.

— Зачем ты пришел? — спросил он.

— А разве я не должен был? — Лу Янь стоял перед ним на некотором расстоянии. Голос его был подобен льду.

Юноша не дрогнул под этим леденящим тоном. Напротив, он согласно кивнул:

— Верно. Не должен был. Пять лет. Срок вышел.

Он поднес чашку к губам и сделал небольшой глоток.

— Да, вышел, — подтвердил Лу Янь. В его глазах внезапно лопнули сосуды, окрашивая белки багрянцем. — Но остались долги, по которым еще только предстоит расплатиться.

Чао Цы слегка приподнял бровь:

— Вот как? И о чем же речь?

— Я и Лу Цзэи... неужели мы и впрямь настолько похожи? — Лу Янь выделил каждое слово, буквально чеканя их.

Он впился взглядом в лицо собеседника, не желая упустить ни малейшей перемены. И он

увидел, как Чао Цы содрогнулся всем телом при звуке имени «Лу Цзэи».

На губах мужчины тут же проступила холодная, полная желчи усмешка.

Внешне он сохранял ледяное спокойствие, подавляя бушующую внутри ярость, но в груди словно зияла огромная дыра. Ледяной ветер свистел в этой пустоте, пробирая до самых костей, выстужая душу.

Чао Цы замешкался лишь на мгновение, но быстро вернул себе прежнюю невозмутимость.

— Значит, ты всё-таки узнал, — он тихо рассмеялся и снова принялся внимательно разглядывать Лу Яня.

Но в этом взгляде не было нежности к человеку, с которым он делил ложе последние пять лет. Юноша смотрел на него так, словно оценивал вещь. Картину или какую-то иную безделушку.

Он долго изучал его черты и, наконец, расслабился.

— Пять лет назад, когда я впервые увидел тебя, мне показалось, что вы — одно лицо. Теперь же я вижу... вы совсем не похожи.

При этих словах холод на лице Лу Яня слегка отступил, сменившись пугающей пустотой. Он плотно сжал тонкие губы и посмотрел на Чао Цы еще более бесстрастно.

— Так вот почему ты так стремился уйти? — он усмехнулся. — Чем дольше мы были вместе, тем сильнее бросались в глаза различия. Тебе стало тошно на меня смотреть, и ты решил сбежать, чтобы очистить взор?

— Это одна из причин, — Чао Цы кивнул, словно совершенно не чувствуя исходящей от собеседника чудовищной угрозы.

— А остальные? — продолжал допытываться Лу Янь, и голос его становился всё тише. — Не потому ли ты ушел, что не хотел мешать Лу Цзэи продолжить свой род?

— Значит, ты нашел ту записную книжку, что я оставил в кабинете, — заключил Чао Цы.

— О да. Столь дорогая твоему сердцу вещь — и вдруг так небрежно брошена на столе. Неужели ты специально подстроил это, чтобы я узнал правду?

— Ты слишком много о себе мнишь, — Чао Цы поставил чашку на стол. — Знаешь ты об этом или нет — мне глубоко безразлично.

На самом деле он подбросил записи намеренно.

Юноша всегда был предельно осторожен при выполнении заданий. Даже когда миссия подходила к концу, он строго придерживался своей роли: уходя из их временного убежища, он не взял с собой ничего, кроме той самой тетради. А затем попросил Систему перенести её обратно в кабинет Лу Яня, потратив на это немало честно заработанных очков.

Впрочем, его нынешние слова тоже были долей правды. По крайней мере, для того, чтобы одурачить мужчину, их вполне хватало.

— Верно, — тот кивнул. — Кому есть дело до чувств никчемного двойника? У такой тени нет права даже на то, чтобы ты её в чем-то подозревал.

— Раз уж мы всё прояснили — возвращайся к себе, — бросил Чао Цы.

— С чего бы мне возвращаться? — парировал Лу Янь. — С долгами мы определились, но я их еще не взыскал.

Чао Цы нахмурился, в его голосе проступило раздражение:

— Пусть я и заключил с тобой тот договор ради памяти о Цзэи, но я никогда не обходился с тобой дурно. Я ничего тебе не должен. Какие еще долги ты собрался взыскивать?

— Ты и впрямь мне ничего не должен, — собеседник кивнул, и взгляд его стал пугающе отрешенным. — Если и винить кого-то, то лишь тебя самого — за то, что пригрел на груди волка.

Чао Цы приоткрыл рот, собираясь что-то ответить, но внезапно осознал, что не может издать ни звука.

В сердце кольнул страх, но он не успел даже вскрикнуть — перед глазами мгновенно потемнело.

Лу Янь подхватил обмякшее тело и поднял его на руки. Он смотрел в лицо спящего, и в его глазах отражалась то бездонная ледяная бездна, то мутное змеиное болото.

Вини себя за то, что смолчал в самом начале, позволив мне поверить, будто ты влюбился с первого взгляда.

Вини себя за то, что пять лет отдавал ему всё тепло своей души, заставив меня привязаться к тебе так сильно, что в моем сердце не осталось места ни для чего иного.

Вини себя за то, что позволил мне стать таким, какой я есть, превратив мою жадность и ревность в острое лезвие и нерушимую темницу.

— Чао Цы, в этом виноват только ты.

Когда Чао Цы снова пришел в себя, он, как и следовало ожидать, обнаружил себя в огромных покоех.

Кровать под ним была непомерно большой. Стоило ему шевельнуть рукой, как раздался тяжелый лязг железных цепей.

Чао Цы мысленно закатил глаза.

«Ну что за люди... Неужели, кроме подобных игр, они ни на что не способны?»

[А что, по-твоему, было бы лучше, если бы он просто переломал тебе ноги?] — отозвалась Система.

«...Ну, — Чао Цы стало немного неловко, — пожалуй, ты права. Так тоже сойдет».

Он поспешил сменить тему:

«Вообще-то, я начинаю думать, что после того, как эти психи затаскивают меня обратно, водить их за нос куда проще, чем во время выполнения задания. Главное — помнить, что они по уши в меня влюблены. Любовь — штука паршивая: кто больше любит, тот и в проигрыше. Так что я буду просто капризничать в свое удовольствие».

[На самом деле, если бы ты просто согласился остаться с ними до конца жизни, они были бы счастливы,] — заметила Система.

«Да брось, — фыркнул Чао Цы. — Кто знает, сколько проскрипит этот идиот Лу Янь? Мне кажется, он способен дожить до скончания веков. И что мне, вечность с ним куковать? Даже если его срок как у обычного смертного, я не собираюсь тратить на него время. Я хочу в отпуск!»

[Как знаешь,] — равнодушно бросила Система. Ей было, в общем-то, всё равно. Тот, кто выбрал карьеру профессионального «переселенца», должен иметь сердце из камня, и Чао Цы не был исключением.

«Зато впереди меня ждет долгая и насыщенная половая жизнь, — меланхолично размышлял он, развалившись на подушках. — Надо отдать этим парням должное: со здоровьем у них полный порядок. Секс — это, конечно, приятно, но когда его слишком много, это утомляет. Хорошо, что тело не мое, иначе пришлось бы тратить все баллы на лекарства для почек».

[.....]

Система промолчала, гадая, какая еще чепуха роится в голове её подопечного.

За этими препирательствами Чао Цы уловил звук шагов.

Он приподнял голову и увидел Лу Яня, входящего в зал.

Юноша мгновенно вошел в роль. С трудом сев на кровати и гремя тяжелыми цепями, он бросил на вошедшего яростный взгляд:

— И что это значит?!

— Старший, — Лу Янь подошел ближе и посмотрел на Чао Цы сверху вниз. — А вы как думаете?

Он снова вернулся к вежливому обращению, но если раньше в нем слышалось почтение, то теперь остались лишь двусмысленность и издевка. Казалось, он обращается не к уважаемому мастеру, а к любимому наложнику.

Чао Цы молчал, не сводя с него глаз.

— Мы были даосскими спутниками пять лет, но так и не poznали близости. Вашему покорному слуге это кажется досадным упущением, — произнес мужчина.

Взгляд Чао Цы стал ледяным:

— Мы больше не спутники.

— Вы ушли в спешке, не объявив об этом миру и не разорвав наш союзный контракт. Сейчас в обоих мирах каждый знает, что Чао Цы — мой супруг. С чего вы взяли, что можете просто перечеркнуть это своими словами?

Чао Цы поджал губы.

В тот день он знал, что его время на исходе, и не стал утруждать себя формальностями. Он

полагал, что через пару месяцев его смерть сама поставит точку во всём.

Кто же знал...

— Между нами был уговор, ты не мог об этом забыть! — голос его дрогнул от гнева.

— Пустые слова, — Лу Янь усмехнулся. — Сейчас я — нож, а вы — плоть на плахе. Если я говорю, что уговора нет, значит, его нет.

— Лу Янь! — выкрикнул Чао Цы.

Но тот оставался пугающе спокоен.

— Старшему лучше побережь силы. Они вам скоро понадобятся, когда вы начнете кричать. Обещаю, когда вы выбьетесь из сил, я не стану проявлять милосердие.

Чао Цы побледнел. Кажется, он начал понимать, что именно задумал Лу Янь.

— Пошел вон! — прохрипел он, словно загнанный в клетку зверь. Но оба понимали, что это бесполезно.

Лу Янь схватил его за тонкое запястье и одним резким движением притянул к себе.

Цепи с грохотом волочились по постели. Не удержав равновесия, Чао Цы ткнулся лицом в плечо мужчины. Он почувствовал, что в руках и ногах совсем нет сил — и дело было явно не только в тяжести оков.

Лу Янь услышал, как Чао Цы, прижатый к его плечу, невольно издал сдавленный вздох.

Он обхватил лицо юноши ладонью, заставляя того смотреть на себя. Несмотря на ледяной гнев, застывший во взгляде пленника, Лу Янь лишь улыбнулся.

— Так сильно его любите? — прошептал он. — Неужели решили хранить верность мертвецу, который истлел сотни лет назад?

Голос его был едва слышен, почти сорвался на шепот, и это был самый опасный знак.

— А тебе-то что за дело? — Чао Цы горько усмехнулся. — Думаешь, раз я не ложусь с тобой, значит, храню верность? Откуда тебе знать, предавался ли я утехам эти сотни лет? Просто ты — сопливый мальчишка, у которого молоко на губах не обсохло. Мне претит даже мысль о близости с тобой.

— Ха...

Лу Янь опасно прищурился и с силой сжал челюсть Чао Цы.

— Молитесь, чтобы ваши слова оказались ложью.

В опочивальне, пропитанной густым ароматом бегоний, не стихали звуки.

Сквозь прерывистые вздохи и сдавленные всхлипы то и дело прорывался холодный, полный жестокой решимости шепот.

<http://bllate.org/book/15361/1413461>